041989

7 1 8

ТУ-19-241-82

0

1


студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—127

В. Железников

Солёный снег

Диафильм второй

Рисунки Г. Портнягиной.



Нельзя сказать, что Саша чувствовал себя спокойно. Нет. Во-первых, ему не хотелось есть, во-вторых, не хотелось гулять. Но вдруг раздался звонок в дверь, и Саша услышал: «Здравствуйте». Это сказал Маринкин папа.



«Вы извините, но пропали две мои самые ценные марки. Я за ними гонялся с детства».—«Но я марки не собираю»,— растерялась бабушка. «Их мог взять Саша»,—ответил Маринкин папа.



В следующую секунду он и бабушка появились перед Сашей. Они стояли рядом, безмолвные, как статуи. Саша поднял на них глаза, собрался с силами и сказал: «Я не брал марок. Честное слово, я не брал...»



«Саша у нас никогда не врёт»,—заметила бабушка. «Значит, это всё же сделала она,—крикнул Маринкин папа.—Она!» И выскочил из комнаты.



У Саши сами собой потекли слёзы: «Что теперь будет с Маринкой...» Бабушка сразу всё поняла. Она бросилась звонить маме: «Немедленно приходи домой!»



«Полюбуйся на своего сынка. Он, он... украл марки у Маринкиного отца! И, представляешь, ещё говорит: «Честное слово, я не брал».—«Ты лгун и вор,—сказала мама.—Где эти марки!»



Саша вытащил из-под тахты дневник и достал марки. «Сейчас же пойдём к Маринке. Посмотри на меня!»—сказала мама. Всё в мамином лице было незнакомым для Саши и чужим.



«Это я взял»,—сказал Саша, стоя перед Маринкой и её папой. И протянул проклятые марки. «Все целы,—сказал довольный папа и добавил:–Из тебя никогда не выйдет настоящего коллекционера».



На следующий день утром Саша из дома вышел один. И тут на него напал такой страх перед Гошкой с его дразнилками и приставанием, что он просто не пошёл в школу. Лучше быть неучем, чем встретиться с Гошкой!..



Так Саша прогулял целых пять дней... Дома никто с ним не разговаривал: ни мама, ни бабушка. А от Петра Петровича и от Маринки он прятался всеми правдами и неправдами. Но однажды Пётр Петрович сам зашел к Саше.



«Ты меня не выручишь!—спросил он.—Написал письмо сыну на Южный Полюс, да вдруг очки разбились. Вот на конверте дописать немного осталось. Поможешь!..»



Саша писал какие придётся буквы, писал их и вверх ногами, и развернув в другую сторону, и просто придумывая новые... А Пётр Петрович диктовал ему название экспедиции, фамилию и имя сына.



Ведь письмо должно было пройти далёкий путь — до Одессы на самолёте, потом пароходом к Южному Полюсу. Через Чёрное и Красное моря, огибая Африку, пересекая экватор, его привезут Игорю.



«Так. Спасибо»,—сказал Пётр Петрович. Он посмотрел на Сашины каракули и сказал: «Прекрасно... Может, ты его бросишь в почтовый ящик!»



«Я брошу!..» Саша схватил письмо, побежал на улицу и только там спрятал его в дальний карман. Надо было что-то придумать с письмом, но тут он увидел Маринку.



«Папа совсем на тебя не сердится,—сказала Маринка.— Пойдём к нам смотреть марки».—«Не хочу»,—решительно отказался Саша...



но пошёл. Дома Маринка вытащила альбом и положила на стол. «А мне теперь папа разрешает смотреть свой альбом,— сказала Маринка.— Это теперь наш общий альбом».



Саша смотрел марки. А она несколько раз выходила из комнаты, чтобы показать, что полностью доверяет Саше. 19



Когда Саша открыл входную дверь в свою квартиру, он услыхал голос учительницы Александры Ивановны. Саша тихонько сделал шаг назад...



и побежал. Он бежал по улице, и дождь хлестал в лицо. Он был один на всём свете, было жалко себя и хотелось умереть.



Поздно вечером его нашла во дворе мама.



Ночью Саша проснулся. Скорей в комнату Петра Петровича!..



Но в кресле сидел сам Геркулес! «Милый, милый Геркулес,— прошептал Саша.— Спасибо, что ты пришёл. Можно, я посижу рядом с тобой в кресле?»



В ту же секунду зажёгся свет и Пётр Петрович сказал: «Э, брат, да ты горишь, у тебя, брат, жар!» У Саши началась ангина.



Он лежал уже несколько дней... Однажды к нему пришёл Пётр Петрович. «Здравствуйте,—сказал Саша и сразу вспомнил про неотправленное письмо. Он закрыл глаза и пробормотал: «Что-то у меня голова кружится...»



Саша был ещё болен, когда пришло письмо от папы: «Дорогие мои Оля и Саша! Я здесь должен прожить до следующей осени. Может, вы ко мне приедете! Сашка, ты здесь будешь ездить в школу на собаках...»



Вот хорошо бы уехать к папе на Камчатку, забыть про московские неприятности, не ходить в эту школу. А письмо Петра Петровича оставить бабушке. Она всё сделает как надо.



Когда Саша первый раз вышел из дома, во дворе его ждала Маринка. Она протянула Саше конверт и сказала: «Это тебе марки от моего папы, целых десять штук».—«Спасибо»,—ответил потрясённый Саша.



Мимо проехала машина, и Саша помахал рукой знакомому шофёру. В воротах стояла бабушка с какой-то женщиной. «Эй, тётка!—грубо крикнул шофёр.—Нашла где стоять, вот толкну, костей не соберёшь!»



Саша покраснел, потом побледнел и бросился за машиной. «Если вы ещё когда-нибудь закричите на мою бабушку, я вас... я вас ударю!» — закричал он тонким голоском. Что-то должно было случиться...



«Ух ты, какой рыцарь!—шофёр рассмеялся.—Ну, прости, малый, и вы, бабушка, великодушно простите».—«Ой, Саша, какой ты храбрый!»—сказала Маринка. А бабушка хотела отругать Сашу, но потом передумала.



Дома Саша сразу пошёл в комнату Петра Петровича. Он решил сегодня всё рассказать ему про письмо. Неужели Пётр Петрович не простит его!



«Ах, наконец ты появился, милый Геркулес. Я тебя ждал столько дней. У меня были неприятности с марками».—«Я знаю. Сначала я решил навсегда тебя покинуть, но потом подумал: он так никогда больше не сделает».



«Ещё я обманул Петра Петровича. А он очень много сделал для меня. Например, познакомил меня с тобой...» — «Нехорошо! — закричал Геркулес и выхватил из-за пояса короткий меч. — Опомнись, пока не поздно, опомнись!..»



Саша открыл глаза—перед ним стояла мама. «Вот справка от врача. Завтра можешь идти в школу,—мама улыбнулась.—И тебе разрешено ехать на Камчатку».—«Ура-а-а!—закричал Саша.—Мы уезжаем к папе!»



«Мы поедем весной,—сказала мама,—а теперь пойдём и острижём тебе волосы. Ты ведь хотел остричься!»—«А теперь не хочу,—ответил Саша.—У Геркулеса тоже длинные волосы. Лучше я подожду Петра Петровича».



Но Пётр Петрович пришёл поздно, Саша уже спал. А утром, когда Саша уходил в школу, Пётр Петрович ещё спал. И по дороге в школу у Саши было скверное настроение.



«А, пришла наша девица-красавица»,—сказал Гошка, увидев входившего в класс Сашу. Все ребята замерли. «Я ни за что не остригу волосы,—решительно и отважно сказал Саша,—потому что так нравится моей маме».



«А вот тебе марки»,—уже спокойнее сказал Саша. Вокруг них собрались ребята. Всё было интересно. «Марки ценные,—сказал Гошка,—завтра дам на обмен».—«Не надо,—ответил Саша,—я пока не собираю марки».



«А, Огоньков, здравствуй,—в класс вошла Александра Ивановна.—Поправился, значит!»—«Поправился»,—ответил Саша, посмотрел на учительницу, и ему вдруг показалось, что она всё знает про письмо.



«Мне нужно домой»,—сказал Саша и бросился бежать. «Огоньков, что произошло!— строго остановила его учительница.—Расскажи же, мы тебя слушаем».



Саша сделал над собой героическое усилие... И все услышали печальную историю неотправленного письма. «И где же это письмо?»—спросила учительница. «Вот оно»,—сказал Саша и вынул его из кармана.



В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна думала. Всем очень хотелось, чтобы учительница простила Сашу. «Сегодня,—сказала она,—ты отдашь письмо Петру Петровичу. И передай от меня привет: я учила его сына». Класс вздохнул свободно.



«Снег пошёл»,—сказал Гошка, выходя из школы. «А на Камчатке снег солёный»,—ответил Саша. «Опять врёшь»,—засмеялся Гошка. «Там снег солёный от морской воды»,—сказал Саша.



Всё в этом мире интересно, понял Гошка. Солёный снег на Камчатке и чудесные марки, которые принёс Саша. Или сам Саша: вчера ещё трус, сегодня—просто храбрец. «Саша,—сказал Гошка,—позволь, я пожму тебе руку».



Художественный редактор
В. ДУГИН
Редактор
Т. СЕМИБРАТОВА

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Д-288-86
Цветной 0-30